

МИРОТВОРЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ОСЕТИНСКОГО ОБЩЕСТВА (НА МАТЕРИАЛАХ СЕВЕРНЫХ И АНАТОЛИЙСКИХ ОСЕТИН)

Даева Т.Т.

¹ФГБУН «Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева» ВНИЦ РАН и Правительства РСО-Алания, Владикавказ, Россия (362040, г. Владикавказ. Пр. Мира 10); e-mail: tdaeva@mail.ru

В статье анализируются характерные для начала XX в. миротворческие ресурсы осетинского общества. Анализу подвергаются институты руководящих и контролирующих органов, обеспечивающие осетинскому обществу экономическую и политическую самодостаточность. На основе анализа исторических источников выявляются судебные полномочия *ныхаса* — народного собрания, осуществлявшего центральные функции общественной власти. Народное собрание являлось важнейшим институтом социального регулирования традиционной жизни общества. *Ныхас* рассматривал судебные дела в случаях, когда они непосредственно затрагивали экономические интересы всего коллектива как единого хозяйственного организма. Выявляются особенности судопроизводства, отмечается важное значение третейства, выполнявшего судебные функции. Исследуются некоторые аспекты регулятивных функций третейских судов в конфликтных ситуациях.

Ключевые слова: осетинский социум, анатолийские осетины, *ныхас*, судебная система, третейство

PEACEKEEPING RESOURCES OF OSSETIAN SOCIETY (ON THE BASES NORTHERN AND ANATOLIAN OSSETIANS)

Daeva T.T.

Federal State Institution of Science «North-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Researches after V. Abaev» Science Center of Vladikavkaz of the Russian Academy of Sciences and the Government of the Republic North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, Russia (362040, the Republic North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, Mira avenue, 10); e-mail: tdaeva@mail.ru

The article analyzes the characteristic of the designated period of peacekeeping resources Ossetian society in the early of XX century. It is analyzed the institutions governing and regulatory authorities economic and political self-sufficiency to Ossetian's society. Based on the analysis of historical sources reveals judicial powers *nykhas* - man's assembly by the central functions of public authority. The national assembly was the most important institution of social regulation of traditional society. *Nykhas* considered lawsuits in cases when they are directly affected the economic interests of the whole team as the only economic institute. It is peculiarities of legal proceedings, noted the importance mediation exercising judicial functions. Some aspects of the regulatory functions of courts of arbitration in conflict situations.

Keywords: Ossetian society, Anatolian Ossetians, *nykhas*, the judicial system, mediation

Правопорядок и установленные нормы взаимоотношений в традиционном осетинском социуме обеспечивались развитой системой обычного права и соответствующей ему формой судопроизводства. Основными регуляторами жизнедеятельности общины являлись *ныхас* — народное собрание и *тархон* — посреднический суд.

Полномочия *ныхаса* распространялись на хозяйственные и правовые вопросы, а также на контакты с соседями. *Ныхас* рассматривал также судебные дела, но лишь когда они непосредственно затрагивали экономические интересы всего коллектива как единого

хозяйственного организма. В общественной жизни осетин с древнейших времен ныхас играл главенствующую роль в координации всех процессов. Он осуществлял такие важнейшие функции общественной власти, как хозяйственно-распорядительные, регулятивные, контролируемые [2, с. 95]. Круг вопросов был чрезвычайно широк — через ныхас население было в курсе всех дел и настроений жителей, а также обладало возможностями на них воздействовать. Ему также не чужда была семейно-бытовая хроника, но к вопросам этого порядка община относилась очень деликатно: «В патриархальном ауле все делается гласно, и эта неограниченная гласность имеет весьма благотворное влияние на всю нравственную обстановку жизни. Она предупреждает интриги, сплетни, наговоры, потому что малейшее подозрение в подобных поступках против кого бы то ни было тотчас заявляется громогласно на ныхасе и разбирается столь же строго, как и всякое судебное дело» [6, с. 222]. Чтобы решения ныхаса были авторитетны и обязательны для каждого, старики были облечены всеобщим доверием, которое завоевывалось в обществе честностью, неподкупностью, красноречием и знанием жизни своего народа.

На ныхас обсуждались вопросы внешнего регулирования с соседними обществами и внутреннего, т.е. связанные с примирением, индивидуальные конфликты между фамилиями и т.д. По внешним и внутренним вопросам выносились решения согласно нормам обычного права осетин. Поскольку все решения основывались на нормах обычного права, доскональное их знание наряду с такими качествами, как справедливость и неподкупность, должны были быть присущи авторитетным людям в лице ныхаса и стариков, принимавших участие в обсуждении вопросов. По замечанию Е.И. Кобахидзе, сельские ныхасы управлялись старшими семейных общин. Право участия в народном собрании предоставлялось всем достигшим совершеннолетия лично свободным и обладающим равными имущественными правами членам общины [2, с. 134]. На собрании имели право присутствия собственно только мужчины, способные носить оружие. Женщины на ныхас не допускались, только в качестве заявительницы. «Женщины в старину не допускались вовсе, и только в настоящее время изредка является какая-нибудь старушка с просьбой, свидетельница или подсудимая» [9, с. 196]. Необходимо указать, что молодые люди на ныхасе учились у стариков ораторскому искусству, почтительному отношению к старшим, знакомились с нормами обычного права, с мировоззрением и нравственными понятиями народа.

Ныхас имел весьма важное значение не только в административном и юридическом отношениях, но и в отношении к общественной нравственности. Каждый житель селения ежедневно, вечером, являясь на собрание, давал обществу более или менее подробный отчет

о своей деятельности в течение дня и вместе с тем совещался с известными своим опытом стариками, чтобы спросить у них наставления для дальнейших действий.

Необходимо указать, что роль ныхаса как самостоятельного органа в ряде конкретных вопросов, таких как урегулирование частно-правовых отношений и разрешение внутриобщинных конфликтов, была ограниченной. В деле решения спорных вопросов общины ныхас как выразитель общественного мнения оказывал моральное влияние, но ни один общинник не мог игнорировать это мнение.

На ныхасах разбирались прежде всего вопросы хозяйственной жизни всей общины: он регулировал пользование лесом, пастбищами и выгонами, решал вопросы охраны нив, пастьбы скота и содержания общинного пастуха, назначал общие сроки начала и окончания сельскохозяйственных работ, устанавливал системы севооборотов, выносил решения об устройстве подъездных путей и строительстве мостов, обеспечивал уход за ними. Ныхас выполнял роль «законодателя», был своего рода органом, создавшим, так сказать, «общинное», обширное право в сфере вопросов хозяйственной жизни и общественных отношений внутри общины. В полномочия ныхаса входило также урегулирование междуродовых споров, дел об убийствах, ранениях, умыканиях девушек, о спорах из-за имущества и воровства. Прием в общину нового поселенца извне разрешался также общинным собранием, на ныхасе [6, с. 224].

Наряду с сельскими ныхасами существовали ныхасы всего общества. Такие ныхасы были в Алагирском ущелье: ныхас в селении Дагом, площадка Зилахар, в Дигорском ущелье – Мадзаска и Мацута. Общие ныхасы имелись и в Куртатинском и Тагаурском обществах. Такие ныхасы собирались по делам особой важности или в моменты чрезвычайных событий. Вопросы, разбиравшиеся на этих ныхасах, касались интересов или судеб всего населения ущелья, нередко всего племени. В Дагоме, кроме этих вопросов, решались все важные тяжёлые дела трех осетинских ущелий – Алагирского, Куртатинского и Дигорского.

В важных вопросах, затрагивающих интересы фамилии, такие как конфликты с другими общинами, вопросы кровомщения, примирение двух поссорившихся семей и фамилий, представители фамилии собирались на фамильный совет [1, с. 121]. В качестве своего представителя фамилия выставляла авторитетного и старшего мужчину, который, как правило, управлял и фамильным собранием. Его приглашали на все торжества, устраиваемые семьями всей родственной группы. Он же выполнял жреческие обязанности в кругу своей фамилии [8, с. 245]. Главой семейной общины был старший по возрасту мужчина — *хистар*, который являлся полноправным распорядителем всего семейного имущества, под его непосредственным руководством находились все аспекты внутрисемейной общины. Власть старшины распространялась не на все селение, а только в пределах своей фамилии.

Полномочия старшины переходили по праву наследства и старшинства рождения. Он обладал абсолютными правовыми полномочиями в рамках семейной общины: «Глава дома — это живой закон осетинской семьи» [10, с. 27]. В своей семье он решал вопросы общинного уровня. В ситуациях же, когда проступок превышал уровень обсуждения на семейном совете, а приговор был вынесен общественными судьями, окончательное решение все же было оставлено за главой семьи. Этнолог А.Х. Хадикова указывает: «хистæр являлся полноправным распорядителем всего семейного имущества, и под его непосредственным руководством находились все аспекты внутрисемейной жизни». [10, с. 95]. По мнению М.М. Ковалевского, третейское разбирательство выступало в тех случаях, в которых стороны добровольно отказывались от принадлежащего им по обычаю самосуда, как в международных отношениях услуги посредников принимались только тогда, когда враждующие народы отказывались от дальнейшего решения спора силой [3, с. 218].

Средневековый осетинский суд, сохранявшийся в течение долгого времени, был третейским, посредническим. В его функции входило разрешение внутриобщинных тяжб, а также конфликтов между жителями разных общин. А.М. Ладыженский, изучавший обычное право горцев Северного Кавказа, считал, что суд посредников возник как первоначальный орган для урегулирования именно межэтнических конфликтов, а затем превратился во внутриобщинный судебный орган [4, с. 81].

На рассмотрение третейского суда выносились как межличностные, так и групповые конфликты. Данный институт рассматривал случаи нанесения материального или физического ущерба, применяя при разборе дела нормы адата, в первую очередь — выплату компенсации. Главной целью деятельности посреднического суда было регулирование конфликтов на уровне социума. Освещая правовые отношения и практику судопроизводства у осетин, В.Б. Пфаф в труде «Народное право осетин» охарактеризовал деятельность тæрхоньлæгтæ: «Осетинские судьи вникают во все подробности дела. И, выяснив все факты, стараются определить величину нанесенного истцом или обиженным убытка и ищут способа для легчайшего восстановления нарушенных юридических отношений» [9, с. 218].

Конструктивное урегулирование конфликта зависело от власти, авторитета и роли медиаторов. Личность и действия третьей стороны в значительной степени влияли на исход конфликта и его завершение. Третейство служило гарантом пресечения конфликта, разведения конфликтующих сторон, воспрепятствования борьбе, применения санкций к сторонам, а также определения виновной и потерпевшей сторон. Судебное дело инициировалось потерпевшей стороной. Состав и полномочия суда не были постоянными. Третейский суд формировался спорящими сторонами. Членами суда избирались только авторитетные люди пожилого возраста, которые зарекомендовали себя как знатоки обычного

права. Судьи должны были быть не причастными к конфликту и объективными касательно обеих сторон. Процесс выбора судей был довольно длительным, требовалось согласие обеих сторон, чтобы окончательно утвердить состав судей. В каждом из осетинских обществ имелись свои третейские ресурсы. Они не подчинялись и не связывались с соседними обществами.

Процедуру избрания суда предварял сложный процесс подготовки: каждая сторона выбирала посредников — минаварлаэкта — из числа посторонних людей, число которых могло варьировать от одного до пяти в зависимости от важности дела. Именно они наделялись полномочиями вести переговоры между сторонами. Регламент третейских судей предполагал некий вариант порядка судопроизводства. Судьи торжественным обещанием обязывали обе стороны к исполнительности, для этого с каждой стороны должны были быть представлены по 3 поручителя. Присутствовал и некий символизм: судья вбивал в землю шест в знак того, что стороны должны строго держаться договора, а затем произносил проклятие над тем, кто уклонится.

Необходимыми «должностями» осетинского судопроизводства были: доказчик — комдзог, свидетель — æвдисæн и присяга — ард. Доказчик доказывал совершение известного преступления обвиняемым: он должен был открыть субъект преступления, указать последовательно на все обстоятельства, при которых совершено преступление или правонарушение. Работа доказчика обычно сопровождалась вознаграждением, размер которого зависел от уговора комдзога с потерпевшим. Ответственность его была велика, так как в случае безуспешности открытия субъекта правонарушения или маловажного преступления он сам становился на место ответчика и удовлетворял потерпевшего как виновная сторона. Свидетели опрашивались преимущественно для обобщения и систематизации косвенных улик и данных; они не были обязаны непосредственно доказывать виновность обвиняемого или совершение им самого преступления [11, с. 7]. Если показания комдзога и свидетелей не убеждали судей в виновности обвиняемого, то назначалась процедура присяги. В народном сознании присяга была как шансом оправдания на суде, так и средством разоблачения истины. Под присягой подозреваемый должен был торжественной клятвой отрицать отношение к преступлению, в котором его обвиняли. Однако присяга носила исключительный характер, и она принималась в чрезвычайный момент именем наиболее почитаемого в данной местности святого или прахом покойного родственника. Присяга не могла быть назначена в случаях, когда истина и без того была очевидна для судей. «Присяга неуместна, и она была бы лишь бесцельной и безжизненной юридической формальностью в судопроизводстве осетин, не оправдываемой никакой целью ни в общественной, ни в юридической жизни народа» [7, с. 126].

Судебная практика осетин предусматривала также и систему контроля за исполнением решения суда. Оно подготавливалось поручителями от обеих сторон, они же и несли ответственность за выполнение приговора суда. Таким образом, недостаточно было вынести приговор, добиться признания ответчиком его вины, определить форму и меру наказания. Столь же важно было обеспечить обстоятельства исполнения приговора. Но и здесь правовая практика осетин опиралась на принцип коллективной ответственности фамилии за действия своих членов. Тæрхонылæгта определяли меру наказания виновнику и одновременно выносили решение, обеспечивающее гарантию его выполнения. Подобной гарантией было назначение обеими сторонами в перекрестном порядке поручителей: каждая сторона избирала «фидарлæг», в обязанности которого входило обеспечение организации поручительства родственников. В случае же неисполнения решения суда поручитель обязан был принудить родственников к уплате приговоренной суммы или других условий приговора, обязательных и для другой стороны. Принимая на себя подобное поручительство, избранные лица в присутствии свидетелей торжественно обещали заставить виновного выполнить предписание суда. Бывшие при этом свидетели в свою очередь обязывались напоминать поручителям о данном им слове [7, с. 208].

В каждом из осетинских обществ имелись свои третейские ресурсы. Они не подчинялись и не связывались с соседними обществами. Стоит особо подчеркнуть и тот факт, что судебные разбирательства проходили в определенных местах, часто около святилищ. Конфликт не считался преодоленным с помощью третейского вмешательства в том случае, если судебное решение не исполнялось. Если свои медиаторы оказывались бессильными в примирении враждующих, то их призывали из других обществ. Самыми опытными посредниками-примирителями и третейскими судьями считались в Осетии старики Нарского общества, к которым, как видно из народных сказаний, не раз обращались в крайних случаях [5].

Длительность существования традиционного суда некоторые исследователи объясняют его действенностью и высоким престижем решений. «Их слово было незаменимо, их решение свято; здесь не имели места никакие апелляционные и другие жалобы; так как умнее и опытнее третейских судей не было, то всякий противящийся мнению этих патриархов был противником самого общества, его взглядов и понятий» [3, с. 95].

Третейский суд был важным и необходимым институтом в судебной практике осетин. Третейство являлось основным регулятором правоотношений в рамках традиционного осетинского социума. Наличие особого порядка процедуры разбора дела, беспристрастной позиции суда, а также четкого механизма исполнения его постановлений обеспечивали

убедительное предпочтение посредничества для урегулирования любого вида конфликтной ситуации.

Как нетрудно заключить из вышеизложенного, основными функциями осетинского суда являлись урегулирование конфликта, посредничество между враждовавшими сторонами, примирение кровных фамилий, а вместе с этим и определение размеров выплат за причиненный ущерб, преимущественно в делах об убийствах, где со временем кровная месть чаще уступала место материальному удовлетворению [6, с. 263]. Третейство являлось наиболее совершенной формой разрешения конфликтов, в котором нашли отражение и адат, и народная дипломатия. Неизменными требованиями третейского разрешения конфликта были моральное и материальное компенсирование потерпевшей стороне и заключение мира.

Можно сказать, что к началу XX в. в Осетии существовала традиционно сложившаяся и четко налаженная система местного самоуправления. Прерогатива в урегулировании общественных отношений в обществах в большинстве случаев принадлежала ныхасу. Третейские суды, состоящие из уважаемых стариков, пользовавшихся своим опытом и статусом, способствовали разрешению разного рода конфликтов.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-18033

Список литературы

1. Канукова З.В. Традиционная культура в формировании регионального брендинга // Устойчивое развитие горных территорий. — Владикавказ, —2014. — № 3 (21). — С. 121–124.
2. Кобахидзе Е.И. « Не единою силою оружия...». — Владикавказ, 2010. — 452 с.
3. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. — М., — 1886. — Т. 2. — 410 с. Репринтное воспроизведение. Владикавказ: Алания, 1995. — 410 с.
4. Ладыженский А.М. Очерки социальной эмбриологии (внутриродовое и международное право кавказских горцев) // Научная мысль Кавказа. — Северо-Кавказский научный центр высшей школы. —1997. — № 2. — С. 80–89.
5. Лиахвели Г. Древний осетинский суд // Юридическое обозрение. — Тифлис. — 1885. — № 197.
6. Магомедов А.Х. Общественный строй и быт осетин XVII–XIX вв. Орджоникидзе: Ир, 1974. —363 с.
7. Мансуров Н.С. Обычный суд у осетин // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / сост. Л.А. Чибиров. Цхинвали: Ирыстон, 1982.—Кн. 2.
8. Марзоев И.Т. Привилегированные сословия на Кавказе в XVIII- нач. XX вв. Владикавказ, 2011. —383 с.

9. Пфаф В.Б. Народное право осетин // Сборник сведений о Кавказе. — Тифлис, —1871. —Т. I. — С. 110-246.
10. Хадикова А. Х. Традиционный этикет осетин. СПб., 2003. — 300 с.
11. Шанаев Дж. Присяга по обычному праву осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. — Тифлис, —1873. — Вып. 7.

Рецензенты:

Канукова З.В., д.и.н., профессор Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания, г. Владикавказ;

Кобахидзе Е.И., д.и.н., ведущий научный сотрудник отдела источниковедения Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания, г. Владикавказ.